

ТРИ РАССКАЗА.

«Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви» — А. П. Чехов. «Русская Мысль» — 1904, август.

Новые рассказы нашего выдающегося беллетриста, заглавие которых нами выписаны, совершенно различные по содержанию, по сюжету, представляют собою в сущности художественную разработку одной и той же идеи; с внешней стороны они также объединены; они носят форму беседы между друзьями. Эти последние произведения г. Чехова, несмотря на свои миниатюрные размеры, дают такой обильный материал для размышлений, что успели уже вызвать литературу, далеко их превышающую своим объемом. Особенно много разговоров пришлось на долю первого рассказа — «Человек в футляре». И действительно, этот рассказ достаточно полно обрисовывает идею писателя; остальные два — только дополняют первый, расширяя несколько сферу проявления той же общей идеи.

Чехова называли слишком холодным, слишком объективным писателем. Теперь один из журнальных обозревателей, разбирая три последние рассказы Чехова, находил в них яко бы совершенно новые признаки его творчества; он замечает в Чехове тот перелом, который переживали многие из крупнейших наших художников слова, — перелом, характеризующийся постепенным угасанием интереса к художественным задачам и переходом в область отвлеченного мышления, философии.

«Объективное, спокойное изображение действительности уступает место тревожному философскому обсуждению золь жизни; выступает на сцену не факт, но философия факта», — говорит этот обозреватель. Трудно согласиться вполне как с тем, так и с другим определением общего характера произведений Чехова, поскольку в них отразилась личность самого писателя. Внешняя объективность творчества, особенно в последние годы, нисколько не свидетельствовала о холодном спокойствии и равнодушии к явлениям жизни, которая с такой яркой оригинальностью рисовал Чехов. Наоборот, в каждом его рассказе, в каждой повести чувствовалось присутствие какой-то душевной боли, и боль эта, повидному, вызывалась напряженным, но безнадежным исканием смысла жизни. Чехов — настоящий сын нашего времени или, лучше сказать, «безвременья», хаоса мыслей, чувств, желаний, и в этом кроется причина мук его большой души. Несмотря, повторяем, на всю внешнюю объективность произведений Чехова, личность писателя всюду чувствуется

в них. Оттого-то все, кто говорят о чеховских произведениях, непременно занимается и им самим, и об авторе, пожалуй, говорится даже больше, чем о его работ. Вот почему нам кажется, что нет причин видеть каких-то новых сторон в последних рассказах Чехова: в них он тот же Чехов, каким мы его знаем много раньше. Здесь он, так же, как и раньше, с тупой болью в душе разворачивает перед нами резкими контурами набросанную картину «сумерок» жизни, ту изнанку ее, которую мы не всегда ясно отличаем, ибо она проникает насквозь наше нравственное существо, но которая от этого не стала ни лучше, ни легче. И вот, читая маленькие рассказы Чехова, вы чувствуете, как быстро возникает в вас та самая тупая боль, что давить и рассказчика. Вы чувствуете, что «футляр жизни», к которому вы притерлись и привыкли, на самом деле слишком тесен, что он слишком плотно облегает вас со всех сторон, что вам в нем душно, тяжело, что он сковал вас слишком грубо.

Содержание «Человек в футляре» очень несложно. Зовут его Ббликов. Он учитель греческого языка в какой-то провинциальной гимназии. Человек он очень обыкновенный, но в то же время и чрезвычайно необыкновенный — с какой точки зрения посмотреть на него. Фигура Ббликова с виду в высшей степени комична, и если бы Чехов был больше «объективен», то заставил бы читателя от души смеяться над своим героем: герой этот со всей его жизнью очень благодарный материал для юмора; но в данном случае автор далек от желания смеяться и смеяться, наоборот, он грустен, грустно и читателю. Даже в той сцене рассказа, когда Ббликов, спущенный с лестницы товарищем, в самом курьезном виде предстал перед своей хохотавшей невестой и ее знакомыми дамами — сцене, поистине, комичной, — даже и тогда читатель остается серьезным: не смешно, а как-то больно и жалко становится за этого во всех отношениях жалкого человека. Ббликов был замечательным тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в колпак и с зонтиком, и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из сфрой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он все время прятал его в поднятый воротник. Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой и, когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним

словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себя, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге... Таков был внешний вид Ббликова, вид, с которым, раз создав его, он никогда не разставался. Душа этого человека также не менее плотно была заключена в футляр, хотя даже и эта тяжелая броня, в которую облек свой внутренний мир, не могла его окончательно успокоить: он чувствовал в ней себя недостаточно скрытым, недостаточно обезопасенным и все чего-то боялся.

И мысль свою, продолжает рассказчик Буркин, тоже учитель гимназии, — Ббликов также старался запирать в футляр. Для него были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь. Когда в циркуляр запрещалось ученикам выходить на улицу после девяти часов вечера, или в какой-нибудь статье запрещалась плотская любовь, то это было для него ясно, определено; запрещено — и basta. В размышлении же и позволения скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то не до сказанное и смутное. Когда в городе разрывали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он покачивал головой и говорил тихо:

— Оно, конечно, так-то так, все это прекрасно, да как бы чего не вышло? И вот это, как бы чего не вышло, этот вечный страх перед каким-то в сущности псевдонимным и неопределенным, но грозным призраком, постоянно стоящим на страже и готовым с неумолимой жестокостью стихийной силы изломать в куски, стереть в порошок всю жизнь Ббликова, — этот вечный страх заполнял собою целиком его душу. Ббликов боялся не только сам, но и пугал других; его «как бы чего не вышло» проникало собою всю атмосферу окружающих его и заражало их почти таким же страхом перед тем, что хоть немного напоминало свободную инициативу, противоречило общепринятым обычаям или чуть-чуть выходило за пределы заколдованного круга циркуляров и предписаний. В своем страхе Ббликов был силов; ему всюду приходилось уступать; «как бы чего не вышло» в его устах было в таких случаях решающим моментом; его приходилось бояться. Боялись и уступали не только его товарищи-учителя, боялся Ббликов и директор.

— Вот подите же — продолжал рассказывать Буркин, — наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургене-

Чел. в фут.

Объектив.

58, 1898,
28 авг. 1898
А. П. Чехов
н.о.

въ и Щедринъ, однако же, этотъ человекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ влияніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, въ нашемъ городѣ за послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

Но вотъ совершенно неожиданно для всѣхъ у Бѣликова начался "романъ". Романъ этотъ, очень непродолжительный, ни въ чемъ, конечно, ни на волосъ не измѣнилъ жизнь нашего героя, прибавивъ ему только муки. Въ городѣ пріѣхалъ новый учитель-малороссъ съ сестрою, дѣвушкою лѣтъ тридцати. Почему-то всѣ рѣшили, что Бѣликову необходимо жениться и именно на этой сестрѣ его товарища по службѣ. Скоро и самъ Бѣликовъ какъ-будто убѣдился въ этомъ. Но это обстоятельство повергло его окончательно въ уныніе. Онъ сталъ худѣть, блѣднѣть и все больше прятаться въ свою скорлупу.

— "Нѣтъ, женитьба шагъ серьезный",—говорилъ онъ,—надо сначала завѣсить предостѣпную обязанность, отвѣтственность..., чтобы потомъ чего не вышло".

Бѣликовъ не спалъ по ночамъ отъ новыхъ думъ и новыхъ страховъ, походилъ къ Коваленко, брату невѣсты; почти молча, просиживалъ съ нимъ и Варенькой по цѣлымъ часамъ, хотя Коваленко, будучи полной противоположностью Бѣликову, едва могъ выносить его. Незавѣстно сколько времени тянулся бы этотъ оригинальный "футлярный" романъ, если бы не произошло событія, сразу оборвавшего окончательно и безповоротно нить жизни "футлярнаго человека". Бѣликовъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ брата и сестру Коваленко на велосипедахъ, и это событіе сыграло роль заключительной точки не только романа, но и земного существованія героя. Бѣликовъ отправился къ коллегѣ и прочиталъ ему нотацию, сообщивъ въ заключеніе, что въ виду того, "какъ бы чего не вышло", онъ обязанъ передать директору сущность ихъ разговора, въ которомъ Коваленко не особенно почтительно отнесся къ "начальству". Возмущенный коллега вытаскиваетъ Бѣликова съ лѣстницы. Эта сцена, конецъ которой застаётъ и Вареньку, окончательно убила Бѣликова. Онъ вернулся домой, убралъ со стола портретъ невѣсты, затѣмъ легъ въ постель и больше уже не вставалъ.

Похоронивъ Бѣликова, всѣ сразу почувствовали облегченіе. Но не дол-

го продолжалось это чувство свободы. "Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи",—говорилъ рассказчикъ, но прошло не больше недѣли, и жизнь потекла по прежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь, не запрещенная циркуляромъ, но и не разрѣшенная вполне; не стало лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!"

Въ этихъ заключительныхъ словахъ рассказчика весь смыслъ новаго произведенія Чехова. Бѣликовъ самъ по себѣ представляетъ нѣчто исключительное; въ немъ много ненормальнаго, прямо болѣзненнаго; онъ психонатъ. Откиньте, однако, всѣ внѣшніе атрибуты, въ которые задрапированъ этотъ исключительный герой, снимите съ него калоши и ватное пальто, когда въ нихъ нѣтъ никакой надобности, отнимите зонтикъ, возьмите всѣ эти замшевые и иные футляры и чахолчики, дайте ему обычную обстановку средняго обывателя, и Бѣликовъ перестанетъ производить на васъ впечатлѣніе большого человека, человека, которому не миновать "палаты № 6", онъ станетъ самымъ зауряднымъ, обычнымъ явленіемъ, оставаясь въ то же время настоящимъ Бѣликовымъ со всѣми существенными чертами его нравственной физиономіи, тѣмъ же "футлярнымъ человекомъ", который въ "сумеркахъ жизни" вѣчно питаетъ паническій страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, боясь "какъ бы чего не вышло" даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ни на юту не переступаетъ черты, отмежеванной ему "циркуляромъ".

Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!"—восклицаетъ Буркинъ, глубоко подавленный этимъ фактомъ настоящаго и предвидѣнимъ несомнѣннаго будущаго. И онъ совершенно правъ. Отнимите у Бѣликова его специфическія черты, и у васъ останется типичная фигура, "ей же нѣсть числа". Вы увидите, какъ много Бѣликовыхъ, какъ очень много Бѣликовыхъ; вы убѣдитесь, можетъ быть, что и сами вы бликая родая Бѣликову, что и на васъ нинѣшняя жизнь надѣла прочный футляръ; можетъ статься, не совсѣмъ такой футляръ, въ который помѣстился Бѣликовъ, но все жъ таки футляръ, и очень основательный. Если бы Бѣликовъ былъ только страннымъ, даже немногимъ ненормальнымъ человѣкомъ, его можно было бы жалѣть, надъ нимъ можно было бы смѣяться, можно было бы не "выносить" и проч. все, что хотите, смотря по обстоятельствамъ, въ зависимости отъ времени и мѣста, настроенія и обстановки,—но нельзя было бы его бояться, ибо Бѣликовъ никакой нравственно-общественной силой тогда бы не обладалъ. Нѣтъ, Бѣликовъ типич-

ный Бѣликовъ не психонатъ, а печальный результатъ общаго ненормальныхъ условій жизни; въ крайнемъ своемъ выраженіи футлярный человекъ, конечно, можетъ сдѣлаться дѣйствительно больнымъ, но въ общемъ—это заурядное явленіе. Тонкій ядъ, которымъ заражена душа Бѣликова, пропитываетъ собой всю общественную атмосферу общества; этотъ ядъ успѣлъ уже въ большей или меньшей степени заразить собою общество, и только различная сила сопротивленія его влиянію у отдѣльных личностей видоизмѣняетъ дѣйствіе его. Бѣликовъ жилъ и дѣйствовалъ среди различныхъ людей. И почему-же эти люди такъ сильно поддавались его влиянію, почему не смѣли они протестовать противъ того тяжкаго гнета, который налагалъ на нихъ своей особой Бѣликовъ; почему они соглашались съ нимъ, уступали ему, когда ни уступать, ни соглашаться, по ихъ собственному убѣжденію, было нельзя, почему они просто боялись его, хотя самъ по себѣ несчастный "человекъ въ футлярѣ" отнюдь не представлялся страшнымъ; почему онъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ держалъ въ рукахъ всѣхъ этихъ "мыслящихъ, глубоко порядочныхъ, воспитанныхъ на Тургеневѣ и Щедринѣ" своихъ коллегъ? Почему все это? Да потому, что въ каждомъ въ той или иной пропорціи жила однаковая съ Бѣликовымъ болѣзнь. "Такъ то такъ",—говорилъ Бѣликовъ,—да какъ бы чего не вышло", и это "какъ бы чего не вышло" жило въ умѣ и сердцѣ каждого, а Бѣликовъ былъ только тѣмъ чисто-внѣшнимъ импульсомъ, тѣмъ механическимъ толчкомъ, который заставлялъ звучать болѣзную струну.

— "То-то вотъ оно и есть",—говорилъ собесѣдникъ Буркина Иванъ Ивановичъ. А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ, въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ—развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь среди бездѣльниковъ, сутягъ, глупыхъ праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ—развѣ это не футляръ?"

Показавъ намъ футляръ, въ которомъ замкнуты, такъ сказать, элементарныя чувства общественности, Чеховъ въ двухъ другихъ рассказахъ рисуетъ нѣныя разновидности футляровъ жизни.

Этими рассказами мы и займемся въ слѣдующій разъ.

А. — нн.

(Окончаніе слѣдуетъ).